

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-2-16-25
УДК 94(470)

Дата поступления статьи: 11/III/2018
Дата принятия статьи: 15/IV/2018

В.Н. Данилов

Н.А. РОЖКОВ И ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ (СУДЬБА ИСТОРИКА И ЕГО НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ В СЕРЕДИНЕ 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.)

© Данилов Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.
E-mail: danilovvik@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи являются рассмотрение участия видного русского историка Н.А. Рожкова (1968–1927) в последние два года его жизни в работе общества историков-марксистов, действовавшего во второй половине 1920 – начале 1930-х гг., и выявление процесса выработки официальной советской историографией отношения к научному наследию ученого после его смерти. Показано, что в сотрудничестве в рамках Общества была обоюдная заинтересованность как со стороны самого историка, так и руководства советской исторической науки, несмотря на имевшуюся до этого критику политической позиции и исторической концепции Рожкова В.И. Лениным и большевистскими историками, прежде всего М.Н. Покровским, за их несоответствие ортодоксальному марксизму. Впервые представлен подробный анализ выступлений историка на заседаниях Общества и его публикаций в журнале «Историк-марксист». Они свидетельствовали о том, что в центре внимания историка после завершения 12-томной «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» вновь оказалась историко-экономическая проблематика. Это выразилось в первую очередь в разработке методологии исследования и освещении основных этапов дореволюционной истории Прохоровской (Трехгорной) фабрики. Выявлено, что сразу после смерти историка стала распространяться версия о якобы скором его идейно-политическом сближении с большевиками, чему помешал преждевременный уход из жизни. Однако затем в ходе различных кампаний борьбы за «чистоту марксизма» в исторической науке конца 1920-х – начала 1930-х гг. окончательно определилась известная характеристика Рожкова как мелкобуржуазного историка-эклектика меньшевистского направления.

Ключевые слова: советская историография, общество историков-марксистов, Н.А. Рожков, М.Н. Покровский, концепция, идеология, «исторический фронт».

Цитирование. Данилов В.Н. Н.А. Рожков и общество историков-марксистов (судьба историка и его научного наследия в середине 1920-х – начале 1930-х гг.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 16–25. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-16-25>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

V.N. Danilov

**N.A. ROZHKOVA AND THE SOCIETY OF HISTORIANS-MARXISTS
(THE FATE OF THE HISTORIAN AND HIS SCIENTIFIC HERITAGE
IN THE MIDDLE OF 1920 – BEGINNING OF 1930)**

© Danilov Victor Nikolaevich – Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of National History and Historiography, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation.
E-mail: danilovvik@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>

ABSTRACT

Nikolay Alexandrovich Rozhkov (1868–1927) was a prominent Russian historian of the late XIX – early XX century, the author of major works on the economic, political and social history of Russia, the Creator of the original historical concept, which he considered Marxist. For his political activity was subjected to repression under the tsarist and Communist regimes. The article aims to consider the participation of Rozhkov in the last years of his life, when he broke up with politics and was engaged only in scientific and pedagogical work, in the work of the society of historians-Marxists, which was in the second half of 1920 – early 1930 a peculiar center of Soviet historical science. The attitude of Soviet historiography to its scientific heritage after the scientist's death is also traced. It is shown that the cooperation in the framework of the society of historians-Marxists, there was a mutual interest of both the historian and the leadership of Soviet historical science. Despite this, the leading representatives of the official historiography continued to criticize Rozhkov's sociological and historical views for their inconsistency with the basic provisions of the orthodox Marxist-Leninist concept of the Russian historical process. For the first time a detailed analysis of the historian's speeches at the meetings of the Society and his publications in the journal «Historian-Marxist», which was a printed body of the organization is carried out. It was found that at this time, as at the beginning of his scientific career, when he worked at the Moscow University, and during the pre-Revolutionary exile in Siberia, the historian focused on historical and economic problems. First of all, it was expressed in the development of methodology of microeconomics study of history of an individual industrial enterprise. On the basis of the developed theoretical approaches and source methods, a detailed study of the specific production and economic activity of Prokhorovka (trekhgornaya) textile factory of the late XVIII – first half of XIX centuries was then presented. Attention was drawn to the fact that at first after the death of the leader of Soviet historians-Marxists M. N. Pokrovsky began to spread the version of the alleged imminent ideological and political rapprochement of Rozhkov with the Bolshevik party, which was prevented by the unexpected and premature death of him. However, soon during the various ideological campaigns of the late 1920 – early 1930 aimed at combating «bourgeois perversions of history» and affirming «purity of Marxism» in Soviet historical science, the well-known characteristic of Rozhkov as a petty bourgeois historian-eclecticism, a Menshevist trend was finally determined.

Key words: Soviet historiography, society of historians-Marxists, N.A. Rozhkov, M.N. Pokrovsky, concept, ideology, «historical front».

Citation. Danilov V.N. *N.A. Rozhkov i obshchestvo istorikov-marksistov (sud'ba istorika i yego nauchnogo naslediya v seredine 1920-kh – nachale 1930-kh gg.)* [N.A. Rozhkov and the society of historians-Marxists (the fate of the historian and his scientific heritage in the middle of 1920 – beginning of 1930)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 16–25. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-16-25>.

Научная, педагогическая и общественно-политическая деятельность Николая Александровича Рожкова (1868–1927) – одного из видных русских историков конца XIX – начала XX в., автора крупных работ по экономической, политической и социальной истории России, создателя оригинальной исторической концепции – в последние десятилетия привлекла внимание целого ряда исследователей. В работах столичных и провинциальных

историков подвергнуты анализу теоретико-методологические воззрения Н.А. Рожкова, показаны взгляды ученого на русский исторический процесс, освещаются отдельные этапы и даже эпизоды его жизни. Из всего этого многообразия литературы об историке и политике, безусловно, выделяется большая работа О.В. Волобуева [Волобуев], много лет занимавшегося данной темой. В целом можно констатировать, что произошел отход от односто-

ронней классовой характеристики Н.А. Рожкова, бытовавшей в советской историографии и по инерции присутствовавшей в некоторых общих трудах 1990-х гг., как мелкобуржуазного историка-эклектика меньшевистского направления. Вместе с тем в современной историографической литературе мы не найдем и однозначной оценки его исторических взглядов. Для ярославского историка Г.Н. Кочешкова Н.А. Рожков – последователь критического позитивизма как разновидности «критической философии» [Кочешков, с. 196]; известный самарский историограф О.Б. Леонтьева рассматривает его как представителя классической парадигмы русского марксизма, активно использовавшего «традиции своих старших современников – ученых-позитивистов» [Леонтьева, с. 192]; омские историки С.П. Бычков и В.П. Корзун считают, что в философских взглядах историка соединились положения эмпириокритической гносеологии и «механистического» материализма [Бычков, Корзун, с. 101]. По мнению О.В. Волобуева, Рожков создал оригинальную историко-социологическую концепцию, для которой в роли конструктивных источников были использованы позитивизм, марксизм и психологизм [Волобуев, с. 298–299].

Оценка же самим Н.А. Рожковым его научной позиции заметно менялась в процессе творческой деятельности: если в начале XX в. он характеризовал свой метод как «критический позитивизм» или «позитивно-критическое мирозерцание», то уже с 1911 г. определенно называл себя марксистом [Рожков, 1928, с. 291]. С этой точки зрения вполне логичным можно считать его участие в последние годы жизни в работе общества историков-марксистов, ставшего во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. своеобразным центром советской исторической науки. Однако, учитывая прошлое Рожкова-политика, такого рода сближение ученого с теми историками, кто в первые годы советской власти позиционировал себя в качестве революционных или даже ортодоксальных марксистов, вряд ли было полностью предопределенным.

Известно, что Рожков как политический деятель проделал в рядах российской социал-демократии довольно-таки извилистый путь. В годы Первой русской революции он, приват-доцент Московского университета, становится большевиком, но после, находясь в сибирской ссылке, переходит на позиции внефракционного социал-демократа, а в августе 1917 г. вступает в партию меньшевиков и работает во Временном правительстве. Обстоятельства его политической карьеры складывались таким образом, что он рано (уже в 1905 г.) занимает руководящие позиции в РСДРП и в течение последующих 15 лет выступает как принципиальный оппонент В.И. Ленина по различным теоретическим вопросам. На IV съезде РСДРП (1906 г.) он выдвигает собственную аграрную программу от фракции большевиков, противоречившую ленинской программе, в 1911 г. критикует философскую концепцию Ленина, с 1917 по 1920 г., т. е. до того момента, когда историк порвал с политической де-

ятельностью, выступает с критикой теории и практики диктатуры пролетариата, продовольственной политики большевиков и политики военного коммунизма, что влечет за собой два ареста. И хотя Ленину не удалось в 1922 г. убедить политбюро ЦК РКП(б) выслать Рожкова за границу вместе с десятками других видных представителей гуманитарной интеллигенции, а было принято решение ограничиться ссылкой в Псков, он был убежден, что «этот человек есть и будет, вероятно, нашим врагом до конца» [Артизов, с. 318].

Ко времени псковской ссылки относится начало публичной критики со стороны официальной советской историографии и собственно исторических взглядов Н.А. Рожкова. В лекциях, прочитанных перед слушателями Коммунистического университета им. Зиновьева в мае 1923 г., М.Н. Покровский, хотя и относил Рожкова вместе с Плехановым к представителям марксистской историографии, которые пытались самостоятельно пересмотреть «сырой материал и на его основе представить свою концепцию русской истории», вместе с тем давал понять, что по существу он таковым не является. Главный грех Рожкова перед «настоящим марксизмом», по мнению Покровского, состоял в отрыве политического строя от его социально-экономической основы.

Вопрос о марксизме Рожкова, как мы видели, действительно спорный. Но зарождающаяся тогда советская историография рассматривала его не столько в научно-теоретическом плане, сколько с практически-политической точки зрения. Поэтому Покровского прежде всего заботит выявление социальной базы исторической концепции Рожкова. Таковую он находит в «дотехнической интеллигенции» и, отталкиваясь от этого, объясняет подход историка к хозяйственным явлениям прошлого и настоящего [Покровский, 1933 а, с. 98]. В указанной лекции глава советских историков впервые для обозначения взглядов Рожкова использует термин «рожковщина», ставший в конце 1920-х – начале 1930-х гг. своеобразным маркером по отношению к научному наследию историка. Правда, в 1923 г. Покровский еще считал, что, в отличие от «плехановщины», не так важно с ней бороться, «ибо она сама собою умирает, как умирали в 90-х годах народнические концепции истории – ее убивает стихийный исторический процесс» [Покровский, 1933 а, с. 100].

В связи со смертью Ленина Н.А. Рожков по просьбе редакции пишет для газеты «Псковский набат» воспоминания о советском лидере, в которых отдается должное политическому таланту и заслугам того перед Россией, но одновременно указывается, что он не видит в нынешнем большевистском руководстве тех, кто бы мог возместить эту потерю. «Все совлавы, – отмечал Рожков, – сравнительно бездарные люди и односторонние. Есть между ними хорошие военные, теоретики, чиновники, но государственных людей нет» [«Возместить потерю никто не может», с. 8–9]. Несмотря на столь нелестные отзывы о действующих боль-

шевицких вождях, 16 мая 1924 г. он тем не менее обратился с письмом к Г.Е. Зиновьеву (оно было переправлено всем членам политбюро), где содержалась просьба дать ему возможность заняться научной и педагогической работой в столице [В жерновах революции, с. 196]. Вскоре решение о его возвращении в Москву было принято, и с осени 1924 г. он начинает читать лекции в Академии коммунистического воспитания, на этнологическом факультете МГУ, в Институте красной профессуры, работает также в институте истории РАНИОН.

Н.А. Рожков не участвовал в подготовительных мероприятиях по созданию Общества историков-марксистов (далее – Общества), которые проводились в начале февраля 1925 г. В организационную комиссию по выработке устава и созыву собрания учредителей Общества тогда вошли Покровский (представитель Наркомпроса), Шестаков (от Комуниверситета народов Востока), Горин и Фридлянд (Комуниверситет им. Свердлова), Зайдель (Комуниверситет Запада). Комиссия определила 10 февраля список лиц, приглашаемых на собрание учредителей. На собрании 2 марта 1925 г. присутствовали как советские историки старшего поколения: Авдеев, Максаков, Мартынов, Покровский, Полонский, Шестаков, так и недавние выпускники Института красной профессуры и Комкадемии: Ванаг, Викторов, Волгин, Майстер, Горин, Зайдель, Панкратова, Рудаш, Фридлянд, Черномордик. Они и стали учредителями Общества. Отсутствие в составе учредителей, а соответственно, и временного совета Общества Н.А. Рожкова, при всех оговорках все же считавшегося старейшим профессиональным историком-марксистом, было неслучайным. Здесь действовала установка М.Н. Покровского: «...первоначально необходимо создать основной кадр так называемых учредителей, включив в него историков-коммунистов, имеющих печатные труды, и только затем уже приступить к приему как действительных членов, так и членов-соревнователей» [В Обществе историков-марксистов, с. 317]. Поэтому Рожков был принят в действительные члены Общества только летом 1925 г., а 5 марта 1926 г. на общем собрании, созванном на основании устава, который был утвержден накануне НКВД, он избирается в состав его постоянного совета [Из текущей деятельности Об-ва, с. 320].

Безусловно, в членстве Рожкова в обществе историков-марксистов имелась обоюдная заинтересованность как самого историка, так и ведущих деятелей советской исторической науки. Ученый прежде всего таким образом надеялся на продвижение своих исторических идей, расширение круга научного общения и создание более благоприятных условий для преподавательской работы. В то же время для руководства советской исторической науки он должен был олицетворять беспартийную, тяготеющую к марксизму и сочувствующую часть Общества в надежде на постепенное его расширение вокруг коммунистического ядра, что ставилось в качестве одной из задач деятельности организации.

Основной формой работы общества историков-марксистов с самого начала стало публичное заслушивание и обсуждение на общих собраниях и специальных заседаниях тематических докладов, которые, как правило, были связаны с какими-либо юбилейными датами исторических событий революционного содержания. Первое такое собрание было проведено 1 июня 1925 г., на нем были заслушаны доклады Покровского о Пугачевщине и Фридлянда о Крестьянской войне в Германии. На заседании 13 ноября 1925 г., посвященном 20-летию Первой русской революции, мы уже видим Рожкова в числе участников дискуссии по докладу П.О. Горина «Чем же были Советы рабочих депутатов в 1905 г.?».

Среди прочих недостатков исторической литературы по теме докладчик назвал ошибочной точку зрения Рожкова о спаде революционной активности в ноябре 1905 г., после всеобщей октябрьской стачки, высказанную тем в недавно вышедшей книге «Девятьсот пятый год» [Горин, 1927, с. 210]. Но историк не стал дискутировать по этому поводу, а сосредоточился в своем выступлении на вопросах методологического характера: о генезисе Советов как формы организации рабочих и крестьян и органов революционного действия и об эволюции функций Советов в 1905 г. При этом он призвал избегать поспешных выводов и общих схем, «надо различать более тонкие оттенки», видеть, «какие были группировки и течения, и при изучении каждого Совета надлежит проследить, какие из этих течений существовали и в какой мере находили себе выражение в том или другом Совете» [Горин, 1927, с. 229–230].

Участвует Рожков и в других мероприятиях, проводимых в связи с 20-летием Первой русской революции. В частности, он пишет предисловие к календарю-хронике событий 1905 г., выступает на вечере воспоминаний, организованном Истпрофом (Комиссия по изучению истории профсоюзного движения при ВЦСПС), с сообщением об истории появления резолюции о профессиональных союзах на Лондонском съезде партии. Сотрудничество с Истпрофом выразилось также в публикации в 1925 г. статьи «К методологии истории профессионального движения», содержащей теоретическое обобщение опыта изучения этой темы и путей ее дальнейшего исследования.

Однако в центре внимания Рожкова после завершения 12-томной «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» вновь оказалась историко-экономическая проблематика. Начало изысканий в этом направлении было положено еще книгой «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке», вышедшей в 1899 г., которая потом легла в основу магистерской диссертации. В работе была предпринята попытка отказаться от иллюстративного метода использования статистического материала, а соединить в одном лице того, кто «производит» данные, и того, кто анализирует их. Новые для исторической науки методологические приемы были реализованы историком в ходе обработки тако-

го сложного источника исторической статистики, как писцовые книги. Находясь с 1910 по 1917 г. в ссылке в Иркутской губернии, Рожков обратился к истории экономики Сибири, что нашло отражение в ряде публикаций в местных периодических изданиях. Эта сторона научного творчества довольно подробно показана в работах историка-экономиста Д.Я. Майдачевского [Майдачевский, 2003; Майдачевский, 2006]. Здесь же стоит лишь отметить, что вначале Рожковым была обнародована методология детального и всестороннего статистического изучения местных явлений хозяйственной жизни, а затем определенный таким образом круг вопросов изучался на материалах архивных дел Макаровской волости Киренского уезда, которые находились в музее Иркутского отдела Русского географического общества. Подобный поход был использован Рожковым и при организации в 1925–1926 гг. исследований по истории отдельных промышленных предприятий.

9 апреля 1926 г. на заседании общества историков-марксистов Н.А. Рожков делает доклад «К методологии истории промышленных предприятий», который основывался на материалах, полученных руководимой историком группой молодых сотрудников института истории РАНИОН в результате работы с архивом Прохоровской (Трехгорной) текстильной фабрики. Открывая заседание, председатель Общества М.Н. Покровский подчеркнул, что такого рода специальные темы не предназначены для широкого круга слушателей, но их постановка необходима для того, чтобы «мы были настоящим научным обществом», и она будет способствовать реализации давней мечты «о восстановлении экономической истории России, конкретной детальной, на основании богатейшего архивного материала» [Рожков, 1927 а, с. 210]. Основную задачу своего доклада Рожков видел в разрешении следующих исследовательских вопросов: «...чего искать в материале по истории отдельных промышленных предприятий, как искать и что можно найти», а главный практический вопрос он сводил к простой формуле: «...как с наибольшей экономией времени использовать имеющиеся источники». Им была представлена не только цельная исследовательская программа, но и раскрыта своеобразная лаборатория микроисторического анализа, для осуществления которого, по словам Рожкова, «историк должен быть энциклопедистом, смотря по роду материала, с которым он имеет дело» [Рожков, 1927 а, с. 211].

Н.А. Рожков подробнейшим образом анализирует этапы, приемы и методы работы с огромным (только к 1890-м гг. относилось 800 книг) бухгалтерско-конторским материалом Трехгорной фабрики, показывает характер информации, какую можно было получить из него, изучая разные периоды истории предприятия. Бухгалтерские книги (главная книга, мемориал, ресконто, книга лицевых счетов и др.), по мнению историка, самый важный источник в изучении вопроса «об организации предприятия и его функциях, о том, как оно действует». Использование же переписки конторы, протоколов правления фабрики, периодической печати может только дополнить этот материал и оживить

исследование. Данные бухгалтерии к тому же дают наиболее достоверные сведения, поскольку они составляются для предпринимателей и не нуждаются в каких-либо тщательных проверках. Отмечая сложности работы с такого рода источником, Рожков указывал, что исследователю «приходится до некоторой степени войти в подробности бухгалтерской техники для того, чтобы не ошибиться, чтобы не просчитать всех записей, которые имеются, чтобы в результате этого не получились в конце концов фиктивные цифры и итоги» [Рожков, 1927 а, с. 211–216].

Позднее журнал «Историк-марксист», печатный орган Общества, писал, что доклад Рожкова вызвал не только большой интерес, но и споры среди историков [Рожков, 1927 б, с. 79]. Тем не менее, судя по стенограмме заседания, обсуждение его прошло в целом в спокойном академическом стиле. Сотрудники института истории РАНИОН, входившие в названную выше исследовательскую группу, постарались дополнить отдельные положения доклада своего руководителя, проиллюстрировать их на материалах других промышленных предприятий, в частности Николаевского судостроительного завода. Некоторые другие участники заседания обратили внимание на важность проблемы сохранения архивов предприятий. Критика доклада прозвучала лишь из уст М.В. Нечкиной. Она увидела в начинании ученого лишь попытку увести историческую науку с магистрального направления ее развития — изучения рабочего движения — в область «теоретико-экономическую». По мнению Нечкиной, Рожков не смог методологически представить фабрику «как живое общественное явление, в которой сосредоточены противоречия, борются социальные силы» [Рожков, 1927 а, с. 217]. В данном случае по существу предлагался тот вариант написания истории отдельных предприятий, который будет потом реализован в 1930-е гг. при создании серии трудов по истории фабрик и заводов, начатой по инициативе А.М. Горького. Примечательно, что с мнением своей ученицы тогда не согласился М.Н. Покровский, указав на то, что требовать от бухгалтерских книг информации большей, чем по экономической истории предприятий, нельзя, но и в таком виде изучение «тоже представляет громадный интерес». Сам же Рожков в заключительном слове саркастически заметил по этому поводу: «Я думаю, что много найдется охотников изучать историю рабочего движения на фабриках, но немного найдется изучать сухой и трудный материал, касающийся фабрики как предприятия, с экономической точки зрения» [Рожков, 1927 а, с. 224].

Продолжением указанного доклада стала статья «Прохоровская мануфактура за первые 40 лет ее существования», напечатанная уже после смерти Рожкова в журнале «Историк-марксист», в которой в конкретно-историческом плане раскрывались особенности методологических построений историка. Но теперь он постарался избежать обвинений в отрыве экономической стороны изучения предприятия от социальной жизни, заявив в самом начале, что преимущественное значение рабочего движения в публикуемой после революции литературе

выяснено достаточно и не подлежит сомнению, а специальное изучение Прохоровской фабрики необходимо ввиду той важной роли, какую она сыграла в декабрьском восстании 1905 года. Вместе с тем как добросовестный историк Рожков обратил внимание и на историографическую сторону актуальности темы. Он писал: «Но и традиции школы Ключевского и Виноградова, и исторический материализм обязывают искать разгадки и объяснения многих важнейших и все еще не вполне выясненных особенностей русского рабочего движения и русской революции вообще в экономическом базисе, в истории народного хозяйства вообще и в особенности в истории русской индустрии, фабричной промышленности» [Рожков, 1927 б, с. 82].

В статье, как и ранее в докладе, но более сжато на примере Трехгорной фабрики давалась подробная характеристика бухгалтерским материалам как источнику для исследования истории русской фабрики. При этом подчеркивалась необходимость учета того факта, что бухгалтерия предприятия при переходе от мануфактурного (торгово-капиталистического, по терминологии автора) к индустриальному (промышленно-капиталистическому) типу производства усложняется: «...как просто было производство, так и проста была бухгалтерия» [Рожков, 1927 б, с. 82]. Непосредственно описанию производственной деятельности была посвящена вторая часть статьи. В связи с тем что имевшиеся в распоряжении Рожкова архивные источники начинались с 1829 г., характеристика первых 30 лет работы предприятия давалась не по материалам бухгалтерского учета, а по книге «Материалы к истории фабрики», изданной служащим Прохоровкой мануфактуры П.Г. Терентьевым. Эти материалы, как отмечал историк, были не столько историей фабрики, сколько панегириком ее хозяевам и их промышленной деятельности.

Микроэкономический анализ истории одного предприятия (Трехгорной мануфактуры) позволил Рожкову говорить о наличии в хозяйственном развитии России середины XIX в. тенденций, свидетельствующих о приближающемся промышленном перевороте. «Не раз, не один год производство и сбыт испытывали потрясения, — кризисы и депрессию, — пишет он. — Но под конец тридцатых годов стали наблюдаться мелкие пока, частичные, элементарные еще признаки кризиса более глубокого и коренного, радикального — грядущей необходимости перехода к машинному производству, преобразования мануфактуры торгово-капиталистического типа в фабрику типа производственно-капиталистического» [Рожков, 1927 б, с. 110].

Содержание последней работы показывает, что Н.А. Рожков вынужден был так или иначе учитывать доминирующие в обществе историков-марксистов теоретико-методологические установки, что могло создать впечатление о скором его идейном сближении с большевистской историографией. Возможно, что именно это и побудило Покровского заявить на гражданской панихиде по покойному историку, скончавшемуся 2 февраля 1927 г., что

тот «был буквально накануне того, чтобы к нам вернуться самым настоящим образом. И если мы его хороним не как коммуниста, то это совершенная случайность...» [Николай Александрович Рожков, с. 255].

Сам же корифей советской исторической науки, указывая время от времени на «несовершенство» взглядов Рожкова, пытался ускорить это возвращение. Даже в 1926 г. он продолжал говорить: «Не заблуждается ли Н.А. Рожков, когда он с глубочайшей, вне всякого сомнения, искренностью объявляет себя марксистом?.. И не правы ли... те критики, которые утверждали, что Рожков — вовсе не марксист, а нечто вроде биологического материалиста, более близкого к Шапову и Боклю, чем к Марксу и Ленину?» [Покровский, 1933 б, с. 213]. Не отставали в этом и ученики Покровского. В частности, крайне отрицательно отозвался о 12-м томе «Русской истории в сравнительно-историческом освещении», вышедшем в том же 1926 г., ученый секретарь общества историков-марксистов П.О. Горин. «Вышедшая работа Н.А. Рожкова хотя и выявляет значительные сдвиги во взглядах автора на развитие России в XX в. и его желание подойти к революционному марксизму, однако обнаруживает, что Н.А. Рожков находится на тяжелом пути к нему» [Горин, 1926, с. 273], — заключал он свою рецензию, напечатанную еще при жизни самого автора многотомного исследования.

Трудно сказать в какой степени подобного рода публичные обструкции способствовали преждевременной смерти Н.А. Рожкова в возрасте 58 лет. По всей видимости, тут сказались общее внутреннее напряжение последних десятилетий жизни, ибо внешне «он до последней минуты был свеж и бодр, каким был в лучшие годы» (слова М.Н. Покровского). Смерть Рожкова действительно оказалась для всех неожиданной, хотя только можно предполагать, какая судьба его ожидала, доживи он до начала 1930-х гг.

В советских газетах были напечатаны некрологи по Рожкову, а уже упоминавшаяся гражданская панихида прошла 4 февраля 1927 г. в здании Московского университета, в котором он учился и где начиналась его научно-педагогическая карьера. Главным было выступление заместителя наркома просвещения и лидера советских историков М.Н. Покровского, постаравшегося, пожалуй, впервые, правда ненадолго, отойти от ставших уже шаблонными характеристик покойного. Он признался, что в первую очередь в этом им движет стремление снять с памяти Рожкова «ту кличку меньшевика, которая прилипла, прилипла к этой памяти в последние годы, когда он не был активным политиком, и значит, активным меньшевиком... показать, что мы хороним старого большевика» [Николай Александрович Рожков, с. 256], бывшего таковым в начале политической деятельности и к чему приближался в последнее время, но еще якобы «не чувствовал себя окончательно готовым и откладывал свое вступление со дня на день». Отметив тот факт, что Ленин всегда отличал покойного от об-

щей меньшевистской массы, Покровский перешел к характеристике Рожкова как ученого, которого, по его словам, в отличие от европейских стран, у нас всегда недооценивали.

По мнению Покровского, тесно общавшегося с Рожковым по работе в Московском университете и во время революционных событий 1905 г., колоссальная работоспособность позволила создать историку большие труды, содержавшие крупные концепции, которые хотя и были «далеко не безупречны в теоретическом отношении...», но были в высокой степени полезны тем, что они в необычно ясной и популярной форме разносили марксизм по широкой арене» [Николай Александрович Рожков, с. 257]. К числу самых оригинальных научных идей, родоначальником которых был Н.А. Рожков, вошедших затем «в железный инвентарь марксистской концепции русского исторического процесса», он отнес: определение характера земельного права Древней Руси, объяснение экономического развития России исключительно из внутренних причин, выявление того факта, что закрепощение крестьян началось с их обезземеливания. Помешали Рожкову самому развернуть эти идеи в целые системы, по словам Покровского, крайняя спешка в работе и присущие ему, как и Чернышевскому, качества ученого-практика и популяризатора, стремившегося «переносить свои идеи в массы» [Николай Александрович Рожков, с. 257–258]. Именно это и позволяет, — заявил он. — занести Николая Александровича «в ряды крупных наших просветителей большевистского склада, характера и устремления» [Николай Александрович Рожков, с. 261].

Десять дней спустя, 14 февраля 1927 г., состоялось специальное заседание Общества историков-марксистов, посвященное памяти Н.А. Рожкова. Ни до, ни после этого подобных мероприятий в рамках Общества не проводилось, хотя в 1926–1927 гг. ушли из жизни еще такие его члены, как известные большевистские публицисты Н.Н. Авдеев и М.П. Павлович-Вельтман. Это может свидетельствовать как о запоздалом признании со стороны официальной историографии заслуг Рожкова (по выражению Покровского: «крупнейшего историка материалистического направления», «пропагандиста-просветителя», «превосходного преподавателя» и «старого товарища»), так и о некоей попытке посмертной идейно-политической реабилитации Рожкова. Не случайно в своем докладе Н.М. Покровский не только вновь повторил слова, звучавшие на панихиде, о том, «что только глупая физиологическая случайность помешала нам видеть Н.А. Рожкова настоящим марксистом», но и позволил себе сказать о тех правильных, на его взгляд, поправках, которые сделал Рожков к его (Покровского) исторической концепции. Развивая мысль об эволюции взглядов Рожкова в сторону «настоящего ортодоксального марксизма», он даже неожиданно заявил: «...Рожков в 1923 г. (тогда вышел 4-й том «Русской истории в сравнительно-историческом освещении». — *В.Д.*) не только луч-

ший марксист, чем я в был в 1910 г., но и больший революционер, чем я был в 1910 г.» [Покровский, 1927, с. 182]. Скатывание же Рожкова после 1907 г. на позиции признания движения России к «культурному капитализму», за что того клеймил Ленин, Покровский объяснил глубокой психологической раной, нанесенной историку поражением Первой русской революции [Покровский, 1927, с. 183–184].

Версию отхода Рожкова в последние годы жизни от своих бывших сторонников по меньшевистской партии и сближения с большевиками на этом заседании затем поддержал в своем выступлении Б.И. Горев, сам бывший меньшевик и знакомый с покойным по сибирской ссылке. Он заявил, что Н.А. Рожков всегда оставался на старых позициях большевизма, верен был идее революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, плохо в конце жизни отзывался о II Интернационале, хотя со скепсисом относился к возможности строительства социализма в России, но придавал большое значение Октябрьской революции и признавал советскую власть [Покровский, 1927, с. 186].

Линия на определенный объективизм в отношении личности и исторических взглядов Н.А. Рожкова прослеживается и в других публикациях, появившихся сразу после смерти историка, в том числе в вышедшем отдельным изданием сборнике воспоминаний о нем [Памяти Николая Александровича Рожкова]. Но она вскоре сходит на нет. В том же 1927 г. выходит небольшая брошюра М.М. Цвибака «Рожков — историк», где Рожков представлен носителем мелкобуржуазной идеологии, а его концепция сведена в «своеобразную систему ревизионистской эклектики, характерной своим отсутствием диалектики и отличающейся от революционного марксизма тем, что в ней идея общности всех людей превалирует над идеей классово-и групповой борьбы». Раскритиковавшие вскоре брошюру Цвибака за поверхностность и публицистичность М.В. Нечкина и М.М. Степанов [Степанов] поддержали автора в итоговом его выводе: «рождовщина» и «плехановщина» не могут, конечно, стать хозяевами ни сегодняшнего, ни завтрашнего дня, но они могут и становятся и сегодня, и завтра основными противниками революционного марксизма в нашей исторической литературе. Преодоление их и решительная борьба с их просачиванием — задача нашей марксистской историографии» [Памяти Николая Александровича Рожкова, с. 187].

В 1928 г. имя Н.А. Рожкова вновь звучит в критическом духе в связи с 60-летним юбилеем М.Н. Покровского, который по инициативе Общества историков-марксистов было решено превратить «в праздничное событие для молодой марксистской науки», используя его «для дела пропаганды марксизма, марксо-ленинского научного метода и марксистской историографии» [Юбилей Покровского, с. 262]. Поэтому празднование юбилея вышло далеко за рамки Общества: в Москве и Ленинграде, столицах союзных республик и краевых центрах прошли специальные заседания, в цент-

ральных и местных газетах печатались приветствия юбиляру и статьи о Покровском как революционере, государственном деятеле и историке. Для советских историков в этой связи особо было важным установить приоритет М.Н. Покровского в профессиональной отечественной марксистской исторической науке, в том числе за счет дезавуирования какой-либо принадлежности Н.А. Рожкова к марксистской историографии. А.В. Шестаков прямо заявил: «До М.Н. Покровского в русской исторической науке марксистской схемы исторического процесса в России, можно сказать, не существовало. Считать марксистской схему Н.А. Рожкова невозможно. М.Н. вполне прав, называя Н.А. Рожкова «до-марксистским историческим материалистом» [Шестаков, с. 13]. В юбилейных публикациях самым распространенным приемом подчеркивания марксизма Покровского являлось сравнение его концепции с концепцией Рожкова, признанной как бы уже окончательно меньшевистской, мелкобуржуазной. При этом проводилась мысль о взаимообусловленности исторических взглядов Рожкова, его политических воззрений и его политической практики. В конечном итоге, как считал, например, Д.Я. Кин, понимание Рожковым исторического пути России к Октябрьской революции и ее социально-политического содержания стало основанием его «установки на созидание государственного капитализма при господстве Советов, непонимание ленинского пути к социализму и кооперативного плана Ленина, вера в спасительность концессий и т. д.» [Кин, 1928, с. 27].

Курс на форсированное строительство социализма в СССР в конце 1920-х гг. еще более добавил конфронтационности в отношении научного наследия Н.А. Рожкова. Его сложносоставная концепция, где доминировало экономическое объяснение исторических процессов, входила в противоречие с идеологическим обоснованием поворота в экономической политике большевиков. Как всегда первым это уловил М.Н. Покровский. В докладе «Ленинизм и русская история», прозвучавшем на Всесоюзной конференции историков-марксистов (28 декабря 1928 г. – 4 января 1929 г.), было сказано, что экономический материализм, типичным представителем которого является Рожков, «есть источник больших ошибок в марксизме» и «может привести к очень большим последствиям», что уже показал пример Рожкова в 1909–1910 гг., когда тот «свернул направо» [Труды..., с. 304–305]. Призывы к решительному наступлению на экономический материализм звучали и в других выступлениях на конференции. Таким образом, борьба с «рожковщиной» приобретала для историков-марксистов новое содержание, являясь элементом идеологического наступления, выходящего уже за рамки профессиональной историографии.

В этих условиях в обществе историков-марксистов крайне отрицательно отнеслись к выходу нового, теперь уже посмертного, издания «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» Н.А. Рожкова. Наиболее заметным откликом на

данное событие стала публикация в журнале «Историк-марксист» большой статьи А.Л. Сидорова, в которой достаточно подробно рассматривались теоретические взгляды и концепция русской истории Рожкова, сообразуясь главным образом с версией Покровского. Особое неприятие у автора статьи вызвал последний, двенадцатый том, посвященный истории России начала XX века. «Даже с оговорками и “поправками”, – писал Сидоров, – изучать историю революции 1905–1917 гг. по Рожкову нельзя, ибо он является проводником не пролетарской, а буржуазно-капиталистической идеологии. Поэтому новое переиздание 12-томной истории России является положительно вредным делом» [Сидоров, с. 219]. Правда, далее он смягчает резко критический тон, отмечая, что в «огромном научном наследии» Рожкова можно найти многое, что может принести пользу марксистской исторической науке: исследования о развитии крепостного хозяйства, о происхождении торгового капитализма и образовании самодержавия. Поэтому, по мнению А.Л. Сидорова, «гораздо полезнее было бы издать в нескольких томах лишь избранные сочинения, не утратившие своего значения для науки до сих пор» [Сидоров, с. 220]. Однако в советское время никаких трудов Рожкова больше не переиздавалось, а избранные труды историка увидели свет только в 2010 г. [Рожков, 2010].

Пожалуй, в последний раз исторические взгляды Н.А. Рожкова стали предметом публичного обсуждения в Обществе историков-марксистов в связи с судебными процессами «Промпартии» и «Союзного бюро РСДРП». В тезисах фракции совета Общества, принятых 6 февраля 1931 г., говорилось, что факты вредительства и пособничества интервенции империалистических держав, выявленные в ходе этих процессов, требуют повышения бдительности на идеологическом и историческом фронте [Тезисы фракции..., с. 8–10]. В заслушанном вскоре докладе Д.Я. Кина «О буржуазных реставраторах и мелкобуржуазном ликвидаторстве» проводилась прямая аналогия идейной платформы главных фигурантов по делу «меньшевистского бюро» В.Г. Громана и Н.Н. Суханова, заключавшейся в якобы отрицании социалистического характера революции и объективных предпосылок для построения социализма в России, в необходимости возвращения к демократии и апологии капитализма, со взглядами Н.А. Рожкова, который, по мнению докладчика, «наиболее выпукло изложил меньшевистскую концепцию Октября» [Кин, 1931, с. 24].

Таким образом, в период 1928–1931 гг. в рамках общества историков-марксистов было окончательно сформировано отношение к научному наследию Н.А. Рожкова, где он был представлен в органическом единстве историка и политика, чуждого советской исторической науке. Подобный взгляд затем найдет свое отражение во всех обобщающих советских историографических трудах, от учебного пособия 1941 г. Н.Л. Рубинштейна до учебника 1982 г. под редакцией И.И. Минца. Что же касается Общества историков-марксистов, то

после разгрома историков «старой школы» и завершения борьбы со всякими уклонами оно окажется вовлеченным в кампанию исправления ошибок в освещении истории партии большевиков, инициированную письмом И.В. Сталина от октября 1931 г. в редакцию журнала «Пролетарская революция», а после смерти в 1932 г. М.Н. Покровского свернет свою активную деятельность. Пройдет не так много времени и в связи со «сменой вех» исторические взгляды самого главного критика Н.А. Рожкова – М.Н. Покровского – будут объявлены «анти-марксистскими», а некоторые его сподвижники в этом деле (П.О. Горин, М.М. Цвибак, Д.Я. Кин) попадут в жернова сталинских репрессий.

Библиографический список

- Артизов А.Н. В.И. Ленин и Н.А. Рожков (Из истории высылки деятелей интеллигенции в 1922 году) // *Задавая вопросы прошлому...* М.: Гуманитарий, 2006. С. 311–320.
- Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историю отечественной историографии: учебное пособие. Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. 359 с.
- В жерновах революции. Русская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы: сборник документов и материалов. М.: Русская панорама, 2008. 288 с.
- В Обществе историков-марксистов // *Историк-марксист*. 1927. Т. 1. С. 317–319.
- «Возместить потерю никто не может». Н.А. Рожков о В.И. Ленине. Январь 1924 г. // *Исторический архив*. 2006. С. 8–9.
- Волобуев О.В. Н.А. Рожков: историк и общественный деятель. М.: Собрание, 2012. 320 с.
- Горин П.О. [Рец.] Н. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. XII // *Историк-марксист*. 1926. Т. 2. С. 271–273.
- Горин П.О. Чем же были Советы Рабочих Депутатов в 1905 г.? (Стенограмма доклада на публичном заседании 13 ноября 1925 г. // *Историк-марксист*. 1927. Т. 1. С. 201–235.
- Из текущей деятельности Об-ва // *Историк-марксист*. 1927. Т. 1. С. 320–322.
- Кин Д. М.Н. Покровский как историк Октябрьской революции // *Историк-марксист*. 1928. Т. 9. С. 18–33.
- Кин Д. О буржуазных реставраторах и мелкобуржуазном ликвидаторстве // *Историк-марксист*. 1931. Т. 21. С. 20–37.
- Кочешков Г.Н. Н.А. Рожков и его учение об обществе // *Ярославский педагогический вестник*. 2008. № 4. С. 195–200.
- Леонтьева О.Б. Марксизм в России на рубеже XIX–XX веков. Проблемы методологии истории и теории исторического процесса. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 206 с.
- Майдачевский Д.Я. Н.А. Рожков в Сибири: историко-экономическое знание в местном контексте // *Историк в меняющемся пространстве культуры: сб. ст.* Челябинск, 2006. С. 406–418.
- Майдачевский Д.Я. Н.А. Рожков как историко-экономист // *ЭКО*. 2003. №. 6. С. 172–187.
- Николай Александрович Рожков (Речь М.Н. Покровского, произнесенная на гражданской панихиде 4 февраля 1927 г.) // *Историк-марксист*. 1927. Т. 3. С. 254–261.
- Памяти Николая Александровича Рожкова: сб. ст. М.: Мосполиграф, 1927. 40 с.
- Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические заметки и статьи). Вып. 1. М.; Л.: Соцэкгиз, 1933 а. 329 с.
- Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки, критические заметки и статьи). Вып. 2. М.; Л.: Соцэкгиз, 1933 б. 449 с.
- Покровский М.Н. Н.А. Рожков (Стенограмма доклада на заседании О-ва историков-марксистов от 14 февраля 1927 г., посвященная памяти Н.А. Рожкова) // *Историк-марксист*. 1927. Т. 4. С. 180–186.
- Рожков Н.А. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. 736 с.
- Рожков Н.А. К методологии истории промышленных предприятий (Стенограмма доклада на заседании 9 апреля 1926 г.) // *Историк-марксист*. 1927 а. Т. 2. С. 210–235.
- Рожков Н.А. Прохоровская мануфактура за первые 40 лет ее существования // *Историк-марксист*. 1927 б. Т. 6. С. 79–110.
- Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении: в 12 т. М.; Л.: Книга, 1928. Т. 12. 396 с.
- Сидоров А.Л. Исторические взгляды Н.А. Рожкова. К выходу нового издания 12 томов «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» // *Историк-марксист*. 1929. Т. 13. С. 184–220.
- Степанов Н.Н. [Рец.] М. Цвибак. Рожков-историк. Ташкент, 1927 // *Историк-марксист*. 1928. Т. 9. С. 183–187.
- Тезисы фракции совета Общества историков-марксистов «О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период» // *Историк-марксист*. 1931. Т. 21. С. 8–17.
- Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М.: Изд-во Ком. Акад., 1930. Т. 1. 558 с.
- Шестаков А.В. М.Н. Покровский – историк-марксист (К 60-летию со дня его рождения) // *Историк-марксист*. 1928. Т. 9. С. 3–17.
- Юбилей Покровского (Обзор газет) // *Историк-марксист*. 1928. Т. 10. С. 262–273.

References

- Artizov A.N. V.I. Lenin i N.A. Rozhkov (Iz istorii vysylki deyateley intelligentsii v 1922 godu) [V. I. Lenin and N. A. Rozhkov (from the history of expulsion of intellectuals in 1922)]. In: *Zadavaya voprosy proshlomu...* [Asking questions to the past...]. M.: Gumanitariy, 2006, pp. 311–320 [in Russian].
- Bychkov S.P., Korzun V.P. *Vvedeniye v istoriyu otechestvennoy istoriografii: uchebnoye posobiye* [Introduction to the history of Russian historiography: tutorial]. Omsk: Omsk. gos. un-t, 2001, 359 p. [in Russian].
- V zhernovakh revolyutsii. Russkaya intelligentsiya mezhdubelymi i krasnymi v porevolyutsionnyye gody. Sbornik dokumentov i materialov* [In the millstones of the revolution. Russian intelligentsia between white and red in the post-Revolutionary years. Collection of documents and materials]. M.: Russkaya panorama, 2008, 288 p. [in Russian].

V *Obshchestve istorikov-marksistov* [In the society of Marxist historians]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1927, Vol. 1, pp. 317–319 [in Russian].

«Vozmestit' poteryu nikto ne mozhet». N.A. Rozhkov o V.I. Lenine. Yanvar' 1924 g. [«No one can compensate for the loss». N.A. Rozhkov about V.I. Lenin. January 1924]. *Istoriicheskiy arkhiv* [Historical Archive], 2006, pp. 8–9 [in Russian].

Volobuyev O.V. N.A. Rozhkov: istorik i obshchestvennyy deyatel' [N.A. Rozhkov: historian and public figure]. M.: Sobraniye, 2012, 320 p. [in Russian].

Gorin P.O. [Review]. N. Rozhkov. *Russkaia istoriia v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii*. T. XII [N. Rozhkov. Russian history in comparative-historical light. Volume XII]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1926, Vol. 2, pp. 271–273 [in Russian].

Gorin P.O. *Chem zhe byli Sovety Rabochikh Deputatov v 1905 g.? (Stenogramma doklada na publichnom zasedanii 13 noiabria 1925 g.)* [What were the Soviets of Workers' Deputies in 1905? (Transcript of the report at public meeting on November 13, 1925)]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1927, Vol. 1, pp. 201–235 [in Russian].

Iz tekushchei deiatel'nosti Ob-va [From the current activities of the Society]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1927, Vol. 1, pp. 320–322 [in Russian].

Kin D. M.N. Pokrovskii kak istorik Oktibr'skoi revoliutsii [M. N. Pokrovsky as a historian of the October Revolution]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1928, Vol. 9, pp. 18–33 [in Russian].

Kin D. *O burzhuznykh restavratsionerakh i melkoburzhuznom likvidatorstve* [About bourgeois restorers and petty-bourgeois liquidationism]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1931, Vol. 21, pp. 20–37 [in Russian].

Kocheshkov G.N. N.A. Rozhkov i ego uchenie ob obshchestve [N.A. Rozhkov and his teaching about society]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2008, no. 4, pp. 195–200 [in Russian].

Leontieva O.B. *Marksizm v Rossii na rubezhe XIX–XX vekov. Problemy metodologii istorii i teorii istoricheskogo protsessa* [Marxism in Russia at the turn of the XIX–XX centuries. Problems of methodology of history and theory of historical process]. Samara: Izd-vo «Samsarskii universitet», 2004, 206 p. [in Russian].

Maydachevsky D.Ya. N.A. Rozhkov v Sibiri: istoriko-ekonomicheskoe znanie v mestnom kontekste [N.A. Rozhkov in Siberia: historical and economic knowledge in a local context]. In: *Istoriik v meniaiushchemsia prostranstve kul'tury: sbornik statei* [Historian in a changing cultural space: collection of articles]. Chelyabinsk, 2006, pp. 406–418 [in Russian].

Maydachevsky D.Ya. N.A. Rozhkov kak istoriko-ekonomist [N.A. Rozhkov as historian-economist]. *EKO* [ECO], 2003, no. 6, pp. 172–187 [in Russian].

Nikolai Aleksandrovich Rozhkov (Rech' M.N. Pokrovskogo, proiznesennaia na grazhdanskoii panikhide 4 fevralia 1927 g.) [Nikolai Alexandrovich Rozhkov (Speech of M.N. Pokrovsky, spoken at the civil funeral on February 4, 1927)]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1927, Vol. 3, pp. 254–261 [in Russian].

Pamiati Nikolaia Aleksandrovicha Rozhkova. Sbornik statei [In memory of Nikolay Alexandrovich Rozhkov. Collection of articles]. M.: Mospoligraf, 1927, 40 p. [in Russian].

Pokrovsky M.N. *Istoriicheskaia nauka i bor'ba klassov (Istoriograficheskie ocherki, kriticheskie zametki i stat'i)*. Vyp. 1 [Historical science and the class struggle (Historiographical essays, critical notes and articles). Issue 1]. M.; L.: Sotsekgiz, 1933 a, 329 p. [in Russian].

Pokrovsky M.N. *Istoriicheskaia nauka i bor'ba klassov (Istoriograficheskie ocherki, kriticheskie zametki i stat'i)*. Vyp. 2 [Historical science and the class struggle (Historiographical essays, critical notes and articles). Issue 2]. M.; L.: Sotsekgiz, 1933 b, 449 p. [in Russian].

Pokrovsky M.N. N.A. Rozhkov (Stenogramma doklada na zasedanii O-va istorikov-marksistov ot 14 fevralia 1927 g., posviashchennaia pamiati N.A. Rozhkova) [N.A. Rozhkov (Transcript of the report at the meeting of the Society of the historians-Marxists on February 14, 1927, dedicated to the memory of N.A. Rozhkov)]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1927, Vol. 4, pp. 180–186 [in Russian].

Rozhkov N.A. *Izbrannye trudy* [Selected works]. M.: ROSSPEN, 2010, 736 p. [in Russian].

Rozhkov N.A. *K metodologii istorii promyshlennykh predpriatii (Stenogramma doklada na zasedanii 9 apreliia 1926 g.)* [On the methodology of history of industrial enterprises (Transcript of the report at the meeting on April 9, 1926)]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1927 a, Vol. 2, pp. 210–235 [in Russian].

Rozhkov N.A. *Prokhorovskaia manufaktura za pervye 40 let ee sushchestvovaniia* [Prokhorov manufactory for the first 40 years of its existence]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1927 b, Vol. 6, pp. 79–110 [in Russian].

Rozhkov N.A. *Russkaia istoriia v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii: v 12 t.* [Russian history in comparative-historical light: in 12 Vols.]. M.; L.: Kniga, 1928, Vol. 12, 396 p. [in Russian]

Sidorov A.L. *Istoriicheskie vzgliady N.A. Rozhkova. K vykhodu novogo izdaniia 12 tomov «Russkoi istorii v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii»* [Historical views of N.A. Rozhkov. To the release of the new edition of 12 volumes of «Russian history in comparative-historical coverage»]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1929, Vol. 13, pp. 184–220 [in Russian].

Stepanov N.N. [Review] M. Tsvibak. *Rozhkov-istorik. Tashkent, 1927* [M. Tsvibak. Rozhkov-historian. Tashkent, 1927]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1928, Vol. 9, pp. 183–187 [in Russian].

Tezisy fraktsii soveta obshchestva istorikov-marksistov «O zadachakh marksistskoi istoricheskoi nauki v rekonstruktivnyi period» [Abstracts of historians-Marxists society faction «On the problems of Marxist historical science in the reconstruction period»]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1931, Vol. 21, pp. 8–17 [in Russian].

Trudy Pervoi Vsesoiuznoi konferentsii istorikov-marksistov [Proceedings of the First all-Union conference of Marxist historians]. M.: Izd-vo Kom. Akad., 1930, Vol. 1, 558 p. [in Russian].

Shestakov A.V. M.N. Pokrovskii-istorik-marksist (K 60-letiiu so dnia ego rozhdeniia) [M.N. Pokrovsky – historian-Marxist (On the 60th anniversary of his birth)]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1928, Vol. 9, pp. 3–17 [in Russian].

Iubilei Pokrovskogo (Obzor gazet) [Anniversary of Pokrovsky (Review of newspapers)]. *Istoriik-marksist* [Historian-Marxist], 1928, Vol. 10, pp. 262–273 [in Russian].